

ОПЫТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ

Раскрывается множественный характер смыслов/значений культурных артефактов, среди которых выделяются смыслы утилитарно-функциональные и аллегорические. Преобладание тех или иных обусловлено социальным контекстом существования всякого артефакта. Рассматривается три варианта интерпретации смыслов: абсолютный, относительный и субъективный, что в принципе относится к артефактам разного типа.

Ключевые слова: культурные артефакты, их смыслы/значения, классический, неклассический и постнеклассический типы интерпретации, социальный контекст, социальные коллизии

Для цитирования: Флиер, А. Я. Опыт систематизации культурных смыслов / А. Я. Флиер // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 2 (50). – С. 71–77.

В отечественной науке получила популярность и широкое распространение **трехчастная модель** исторического развития науки академика В. С. Стёпина [5]. В соответствии с ней, в истории науки можно выделить три периода:

- классический (примерно до второй трети XIX в.), в котором истина воспринималась абсолютной (дважды два всегда равнялось четырем);
- неклассический (примерно с 1870-х гг. до середины XX в.), трактовавший истину как относительную (дважды два ситуативно могли равняться четырем, а могли и чему-то другому);
- постнеклассический (примерно с середины XX в. и поныне), понимающий истину как субъективную (дважды два равняется тому, что нужно самому считающему).

Переход от классического к неклассическому истолкованию реальности был связан с пониманием того, что помимо наблюдаемого сегмента мира есть и другие сегменты с иными параметрами пространства-времени, которые необходимо отразить в общей научной картине мира. Переход от неклассической к постнеклассической парадигме познания был обусловлен в первую очередь потребностью в междисциплинарных исследованиях и совмещением разных системных моделей. Если сим-

волом классической науки может служить Исаак Ньютон, неклассической – Альберт Эйнштейн, то символом постнеклассической науки для меня является основатель синергетики Герман Хакен. Одной из новаций постнеклассического периода стало понимание того, что личные качества ученого – его психология, интересы, мировоззрение, интеллектуальная независимость и пр. играют в процессе познания не менее важную роль, чем объективные параметры изучаемого объекта. Именно этот новый взгляд на роль ученого в процессе познания для нас сейчас будет основным.

По аналогии со стёпинской моделью **развития науки** была разработана и такая же трехчастная схема **развития культуры** [10], показывающая, насколько этапы формирования культуры совпадают с этапами эволюции научного знания и интерпретации мироздания. И хотя новые типы культуры зарождались параллельно со становлением соответствующих общенаучных парадигм, все три интересующих нас подхода к истолкованию культуры сейчас практикуются одновременно. В соответствии с ними и понимание **культурных смыслов** тоже можно свести в три группы:

- классическое (смысл культурного артефакта единственный, задаваемый его создате-

лями и неизменный в последующем; см. об этом: [2; 4]);

- неклассическое (смысл культурного артефакта ситуативный, меняющийся с каждой исторической эпохой; см., например: [6, с. 47–472]);

- постнеклассическое (смысл культурного артефакта субъективный, задаваемый его интерпретаторами, сознание которых детерминировано личным опытом или ангажировано какой-то идеологией; см. об этом: [12, р. 21–67; 13, р. 128–139]).

Здесь нужно отметить, что современная энциклопедическая трактовка **смысла** уравнивает его со **значением** [1, с. 854–855], безусловно, подвижным и зависящим от контекста понимания. Следовательно, и смысл культурного артефакта тоже определяется контекстом его понимания.

Естественно, у читателя возникает вопрос: а что такое культурный смысл и чем он отличается от иного смысла? На него можно было бы ответить, что это смысл/значение культурного артефакта. Но тогда рождается следующий вопрос: а что такое культурный артефакт и чем он отличается от иного артефакта? Ответ на оба вопроса един и он связан с авторским пониманием **природы культуры**. Я понимаю культуру как особую программу человеческого поведения, эволюционировавшую из социального поведения животных, в целом социально детерминированную и обеспечивающую коллективный характер жизнедеятельности людей, их взаимодействие и коммуницирование (см. об этом: [9, с. 273–284; 11, с. 24–31]).

Соответственно и культурный смысл заключается в прямой или опосредованной символизации ценностей коллективного характера этой жизнедеятельности, а культурный артефакт представляет собой продукт/результат такой совместной жизнедеятельности. Культурный артефакт потому и является культурным, что обязательно обладает культурным смыслом, т. е. символикой ценностей совместного бытия людей.

Вопрос в том, как понимать этот смысл и как его интерпретировать. Должен сказать, что, как мне представляется, все три обозна-

ченных выше подхода к трактовке смысла культурных артефактов – классический, неклассический и постнеклассический – вполне релевантны и отражают наблюдаемую реальность. Просто следует иметь в виду, что речь идет о **разных артефактах**, обладающих разными сущностными и информационными качествами и интерпретируемыми в разных контекстах. В принципе и исторические культурные артефакты условно можно свести в три группы (число групп может быть любым; здесь главное – само структурирование, преследующее цель максимального удобства понимания):

- артефакты, физически не сохранившиеся, скудная информация о них известна в основном из нарративных источников и «безымянных» археологических находок;

- артефакты, физически сохранившиеся, но социально не актуальные или религиозно канонические и потому не интерпретируемые наукой и идеологией, а существующие в общественном сознании в виде традиционных представлений, постепенно корректирующихся со сменой исторических эпох;

- артефакты, физически сохранившиеся, более или менее распространенные, обладающие большей или меньшей социальной актуальностью и активно интерпретируемые наукой и идеологией, являющиеся предметом общественной дискуссии.

В этой связи важно отметить то, что всякий культурный артефакт (как материальный, так и идеальный) обладает несколькими смыслами, их можно свести в группы **утилитарно-функциональных** и **аллегорических** смыслов. Первые манифестируют практические функции артефакта, а последние символизируют определенные ценностные установки сознания человека, обладающие социальной значимостью. С каждым артефактом связаны те или иные социальные коллизии, в которых проявляются различные ценности человеческой жизни, а артефакты напоминают о них. Эти ценности могут иметь как положительные, так и отрицательные коннотации, показывать не только то, что хорошо, но и то, что плохо.

Например, такой обыденный предмет, как нож, обладает несколькими утилитарно-функциональными смыслами, определяемыми сферами его использования: нож столовый, кухонный, охотничий, хирургический (скальпель), военный (штык-нож, тесак), нож как инструмент художника (резчика по дереву или кости) и т. п. Что касается аллегорических смыслов, то тут в голову приходит популярный образ ножа как орудия бандита («работники ножа и топора», бандит Мэкки-нож из «Трехгрошевой оперы» Б. Брехта и др.). Еще больше разнообразных смыслов у такого предмета, как гвоздь: это и утилитарно-функциональные (гвоздь как плотничий инструмент для скрепления поверхностей, гвоздь как штырь, вбитый в стену для вешания картин, полок и т. п.), и аллегорические (гвозди, вбиваемые в крышку гроба, гвозди, с помощью которых распинали Христа, «гвоздь сезона» – об артисте или произведении, «пригвоздить к доске позора», «гвозди бы делать из этих людей» и пр.). Это материальные артефакты. Идеальные артефакты имеют только аллегорические смыслы. Например, такое понятие, как *свобода*, осмысливает и социальную свободу, и экономическую, и интеллектуальную, право человека иметь свою точку зрения и открыто ее высказывать, его независимость от чьей-то воли и от собственных слабостей и т. п. Одновременно полная свобода – это анархия, отсутствие связей с обществом, что тоже плохо. Все эти смыслы – ценностные установки, символизируемые понятием *свобода*.

И все они отражаются в языке, что облегчает их поиск. Проблема связи культурных смыслов с **языком** представляется очень важной. В принципе в культуре нет ни одного явления, не имеющего специального языкового эквивалента, т. е. названия. Получение каким-то артефактом собственного названия можно рассматривать как его инициацию, обретение им культурного статуса. Так что исследование понятийного состава культуры посредством анализа словарного состава языка представляется одним из наиболее перспективных направлений изучения культуры.

Попробуем системно проанализировать все три обозначенных выше типа культурных артефактов.

- Первый тип – артефакты, не существующие физически и известные только по упоминаниям в нарративных источниках или по археологическим «следам». По ним, как правило, столь мало информации, поступающей в распоряжение ученых, что в лучшем случае удастся аналитически реконструировать лишь их утилитарно-функциональные смыслы (да и то не всегда). А уж их аллегорические значения (которые в свое время, несомненно, были) так и остаются нераскрытыми. Такие артефакты, как, например, жилища древних людей – древо-лиственные навесы и шалаши, землянки и пещеры, юрты из шкур на каркасе, костно-земляные «яранги» и пр., в современной научной интерпретации ограничиваются лишь одним утилитарно-функциональным смыслом. А их дополнительные аллегорические смыслы (например, «дом как модель мира» [8, с. 96–101]) остаются недоказуемыми гипотезами, как правило, являющимися не вполне корректным переносом более поздних значений на артефакты глубокой древности. То же можно сказать и о многих древних народах, упоминаемых античными историками. Лишь в редких случаях их приводимое название позволяет приблизительно определить хотя бы языковую группу, к которой они относились, а отождествление их с определенными археологическими находками совсем уже спорно (см. об этом, например: [3, с. 97–120]). Подобные артефакты могут быть и не такими древними и даже сравнительно недавними, но все равно информационный след, оставляемый ими, столь «неразборчив», что выявление их культурных смыслов малопродуктивно с точки зрения расширения знания.

- Второй тип – артефакты, физически существующие (или в свое время объективно описанные либо художественно изображенные), но сегодня социально мало актуальные или не подлежащие реинтерпретации по религиозным основаниям. Они сохраняются в общественном сознании как устойчивые образы с

устоявшимся смыслом (как, например, многие мифологические ритуалы, образы Богородицы, Будды и т. п.). Для их наименования даже возник специальный термин – *образы*, означающий в том числе и устойчивость смыслового восприятия данного феномена [7, с. 221–294]. Некоторые из них (большинство ритуалов) уже давно не практикуются, совершенно не актуальны и их реконструкция представляет чисто академический интерес. Другие (религиозные образы) используются и сегодня, но их смысловая реинтерпретация как некорректна, так и не нужна практически. Конечно, за длительную историю существования этих образов в их понимании имели место некоторые коррективы, но они не меняли общего смысла их восприятия. Данные артефакты обладают преимущественно одним аллегорическим смыслом, высоко устойчивым и лишь постепенно меняющимся со сменой исторических эпох (например, корректировка многих образов и элементов культа западного христианства на переходе от Средневековья к Новому времени). Но главное в том, что их функция не требует никакого смыслового обновления.

Об этих двух типах культурных артефактов можно сказать, что каждый из них обладает только *одним смыслом* (по крайней мере, распространенным в общественном сознании), исторически неизменным или понемногу корректируемым от эпохи к эпохе.

• Третий тип – артефакты, высокая социальная актуальность которых вызывает потребность в постоянной научной, идеологической, художественной и даже бытовой реинтерпретации. Таковы, например, «вечные» вопросы социального бытия: жизнь и смерть, здоровье, семья, дом, друг, другой/чужак/враг и т. п. Разноголосица суждений об этих феноменах существует столько же, сколько существует вид *Homo sapiens*. Человеку свойственно постоянно обновлять свою интеллектуальную трактовку подобных понятий, «приспосабливая» ее к реалиям окружающего мира. Вот об этом типе артефактов культуры можно смело говорить как о категории объектов с постоянно меняющимися смыслами, поскольку последние

задаются их новыми интерпретаторами. Именно эти объекты составляют абсолютное большинство артефактов культуры, с которыми мы сталкиваемся повседневно. Конечно, определяющую роль в интерпретации данных артефактов играет государственная идеология, доминирующая на том или ином этапе истории. Именно ей определяется большая часть интерпретаций, зафиксированных в источниках. А какое число интерпретаций нигде не фиксируется и существует в виде устной традиции?

Особую подгруппу среди подобных культурных артефактов составляют *художественные произведения* (включая литературные), интерпретативные суждения о которых стали уже частью социальной повседневности практически каждого человека. Каждый из нас почти ежедневно как-то оценивает ту или иную книгу, тот или иной фильм, спектакль и т. п. При этом нужно помнить, что искусство первобытности и аграрной эпохи было в основном религиозным и не подлежало личному интерпретированию (пожалуй, за исключением произведений светской литературы и драматургии; но их было немного). А с наступлением индустриальной эпохи искусство стало основным предметом постоянного интерпретирования его потребителями. Так было в Европе и Америке. Искусство Востока обладало своей спецификой, связанной с тем, что до начала XX в. в нем преобладала традиционная каноничность. Но в XX в. и в нем начались процессы, в принципе аналогичные европейскому искусству.

Аллегорическая *многосмысленность*, стимулирующая свободу интерпретаций, является одной из отличительных черт искусства (по крайней мере, в последние два века). Вполне вероятно, что это свойство художественной продукции сложилось не случайно, а играет определенную *психологически компенсирующую роль* по отношению к смысловому минимализму рационального сознания. То же самое можно сказать и о религии. В принципе вся культура может быть рассмотрена как *компенсаторная система*, где повышенная концентрация некоторых свойств в одном сегменте уравнивается повышенной концентрацией

других свойств в ином сегменте. Это еще не исследованный аспект теории культуры.

Очень интересен вопрос и о соотносительности манифестируемых культурных смыслов с *наблюдаемой реальностью*. И здесь имеет место большой разброс значений. Можно выделить:

- культурные смыслы, более или менее адекватные наблюдаемой реальности;
- культурные смыслы относительно адекватные наблюдаемой реальности или задающие идеальные образцы того, какой хотят видеть эту реальность;
- культурные смыслы, не имеющие прямого отношения к наблюдаемой реальности, а представляющие собой явные фантазии на темы «иных миров».

И в этой соотносительности трудно усмотреть какую-либо системность, что заставляет нас предполагать случайный характер возникновения того или иного аллегорического смысла культурного артефакта, так же как преимущественно случайное закрепление какого-то смысла в массовом сознании или его быстрое умирание.

Как представляется, ключевым понятием и фактором здесь выступает социальный (национальный/политический/идеологический и пр.) *контекст*, в котором существует и воспринимается тот или иной артефакт, и степень его *контекстуальной зависимости*. Чем выше эта зависимость, чем больше он задействован в коллизиях социальной жизни, тем большее число аллегорических смыслов этот артефакт несет и тем активней мы его интер-

претируем. Я даже рискну заявить, что смысл/значение культурного артефакта – это интерпретация его отличительных черт в том или ином историческом контексте.

Еще более наглядна обусловленность актуальным контекстом практики текущих интерпретаций культурных смыслов. Для понимания этого достаточно проанализировать процесс изменения оценок тех или иных событий отечественной истории в науке и публицистике XX – начала XXI в. Идеологическая ангажированность значительной части ученых и публицистов здесь становится самоочевидной, как и влияние господствующей идеологии на смысловую интерпретацию каждого артефакта. А это подтверждает постнеклассическое суждение о том, что смыслы артефакта задаются его интерпретаторами.

Так или иначе, но за каждым культурным смыслом и его интерпретацией скрывается какая-то *социальная коллизия*, осмысленная рационально или иррационально, что ведет к появлению фантастических образов. Конечно, далеко не все социальные коллизии порождают новые культурные смыслы. Это происходит нечасто и, на мой взгляд, случайно. Так что не стоит искать здесь какие-либо закономерности. А вот искать в каждом культурном смысле специфическую коллизию, его породившую, стоит. Это позволит глубже понять социальную обусловленность культурных смыслов и может существенно продвинуть наше понимание теории культуры в целом.

1. Бабайцев, А. Ю. Смысл и значение / А. Ю. Бабайцев // Всемирная энциклопедия. Философия / гл. науч. ред. А. А. Грицанов – Москва : АСТ ; Минск : Харвест : Современный литератор, 2003. – 1312 с.
2. Кассирер, Э. Философия символических форм: в 3 т. / Э. Кассирер; пер. с нем. С. А. Ромашко. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. – Т. 1. Язык. – 271 с. ; Т. 2. Мифологическое мышление. – 280 с. ; Т. 3. Феноменология познания. – 398 с.
3. Клейн, Л. С. Археология и этнография: проблема сопоставлений / Л. С. Клейн // Интеграция археологических и этнографических сопоставлений : материалы VI Междунар. науч. семинара, посвящ. 155-летию со дня рождения Д. Н. Анучина / [редкол. : М. А. Корусенко (отв. ред.) и др.]. – Ч. 1. – Омск ; Санкт-Петербург : Изд-во Омского государственного университета, 1998. – С. 97–120.
4. Пелипенко, А. А. Постигание культуры : в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл / А. А. Пелипенко. – Москва : РОССПЭН, 2012. – 607 с.

5. Стёпин, В. С. Теоретическое знание (структура, историческая эволюция) / В. С. Стёпин. – Москва : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
6. Уайт, Л. Эволюция культуры. Развитие цивилизации до падения Рима / Л. Уайт; пер. с англ. П. А. Кожановского, И. А. Осинской // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 47–472.
7. Успенский, Б. А. Семиотика иконы // Семиотика искусства / Б. А. Успенский. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – С. 221–294.
8. Флиер, А. Я. Рождение жилища: пространственное самоопределение первобытного человека / А. Я. Флиер // Общественные науки и современность. – 1992. – № 5. – С. 96–101.
9. Флиер, А. Я. Культура как эволюция программ социальной активности: инстинкт – обычай – рациональное поведение / А. Я. Флиер // Вопросы социальной теории : науч. альм. – 2012. – Т. 6. – Человек между мирами (онтологические, эпистемологические, социокультурные и психологические проблемы пограничья). – С. 273–284.
10. Флиер, А. Я. Модель культурной типологии: классическая, неклассическая и постнеклассическая культуры [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманит. портал. – 2016. – № 1. – Режим доступа : http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/1/Flier_Cultural-Typology-Model/.
11. Флиер, А. Я. Предназначение культуры / А. Я. Флиер // Вестник Московского государственного института культуры. – 2016. – № 3. – 24–31.
12. Grossberg L. 1993. The Formations of Cultural Studies. Relocating Cultural Studies. London ; New York : Routledge. P. 21–67.
13. Hall S. 1980. Encoding and Decoding. Culture, Media, Language. London : Hutchinson. P. 128–139.

Получено 06.02.2017

A. Flier

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
named after D. Likhachev
E-mail: andrey.flier@yandex.ru

EXPERIENCE SYSTEMATIZATION OF CULTURAL MEANINGS

Abstract. *The article discusses the multiple meanings of the nature / cultural artifacts of values, among which are the meanings of utilitarian and functional and allegorical meanings. The predominance of one or another social context due to the existence of any artifact. We consider three options for interpreting meanings: absolute, relative and subjective, that principle applies to different types of artifacts.*

Keywords: *cultural artifacts, their meanings / values, classical, non-classical and post-nonclassical types of interpretation, social context, social conflicts*

For citing: *Flier A. 2017. Experience systematization of cultural meanings. Culture and Arts Herald. No 2 (50) : 71–77.*

References

1. Babaitsev A. 2003. Sense and value. *Vsemirnaya entsiklopediya. Filosofiya* [World encyclopedia. Philosophy]. Gritsanov A., scientific chief ed. Moscow : AST ; Minsk : Kharvest : Sovremennyy literator. 1321 p. (In Russ.).
2. Cassirer E. 2002. *Filosofiya simvolicheskikh form* : v 3 t. [Philosophy of the symbolic forms : in 3 vol.]. Translated from German by S. Romashko. Moscow ; Saint-Petersburg. (In Russ.).

3. Klein L. 1998. Archeology and ethnography: problem of comparisons. *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh sopostavleniy* [Integration of archaeological and ethnographic comparisons]. Part 1. Omsk ; Saint-Petersburg : Publishing house of the Omsk state university. P. 97–120. (In Russ.).
4. Pelipenko A. 2012. Postizhenie kul'tury : v 2 ch. [Comprehension of culture: in 2 parts]. Ch. 1. Kul'tura i smysl [Part 1. Culture and sense]. Moscow : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 607 p. (In Russ.).
5. Stepin V. 2000. Teoreticheskoe znanie (struktura, istoricheskaya evolyutsiya) [Theoretical knowledge (structure, historical evolution)]. Moscow : Progress-Traditsiya. 743 p. (In Russ.).
6. White, L. 2004. The Evolution of Culture: The Development of Civilization to the Fall of Rome. *Izbrannoe : Evolyutsiya kul'tury* [Selected. The Evolution of Culture]. Translated from Eng. by P. Kozhanovskii, I. Osinovskaia. Moscow : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. P. 47–472. (In Russ.).
7. Uspenskii B. 1995. Icon semiotics. *Semiotika iskusstva* [Art semiotics]. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury. P. 221–294. (In Russ.).
8. Flier A. 1992. Dwelling birth: spatial self-determination of the primitive person. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and present]. No 5 : 96–101. (In Russ.).
9. Flier A. 2012. Culture as an evolution of the social activity programs : instinct – custom – rational behavior. *Voprosy sotsial'noy teorii* [Issues in social theory]. Vol. VI. P. 273–284. (In Russ.).
10. Flier A. 2016. Cultural Typology Model: Classical, Nonclassical and Post-nonclassical Cultures [Electronic resource]. *Knowledge. Understanding. Skill*. No 1. Available from : http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/1/Flier_Cultural-Typology-Model/. (In Russ.).
11. Flier A. 2016. Culture purpose. *The Bulletin of the Moscow State university of Culture and Arts*. No 3 : 24–31. (In Russ.).
12. Grossberg L. 1993. The Formations of Cultural Studies. Relocating Cultural Studies. London ; New York : Routledge. P. 21–67. (In Eng.).
13. Hall S. 1980. Encoding and Decoding. Culture, Media, Language. London : Hutchinson. P. 128–139. (In Eng.).

Received 06.02.2017